

Зима, декабрь.

Около шести часов вечера, когда солнце уже начало садиться, в лучах заката по неровной бетонной дороге медленно выехал старый автобус.

Водителю лет сорока-пяти, с сигаретой в зубах, было не до шуток. И хотя он знал этот ухабистый гравийный путь как свои пять пальцев, здоровяк всё же не удержался от тихого ругательства. Его рация время от времени издавала шипение, отчего становилось ещё более раздражительно.

В салоне автобуса сидело несколько человек, разговаривая вразброд, казалось, они все друг друга знали. Тан Линь плотнее запахнул воротник, выдохнул на окно облачко пара и, когда то осело на стекле, провел рукой, размазав его.

За последние полчаса он повторял это действие уже несколько раз, и окружающие, заметив, лишь посчитали это детской забавой. Однако только сам Тан Линь знал, какие сложные и невыразимые эмоции переполняли его, когда он снова и снова смотрел на знакомые пейзажи за стеклом.

Проснувшись, он обнаружил себя в теплой постели школьного общежития, слышал шум студентов за дверью и видел тесную, полутемную и немного захлавленную комнату на шесть человек.

Всего лишь мгновение ока, без всяких предупреждений, и Тан Линь из 23 лет вернулся в 18.

Женщина лет тридцати, сидевшая у передней двери, закончила щелкать семечки, посмотрела на приближающийся облезлый указатель остановки, хлопнула в ладоши и громко объявила:

— Деревня Тан! Остановка на десять минут, кто выходит — поторопитесь! Есть желающие сесть? Скорей!

Тан Линь выпрыгнул из автобуса, и тут же налетел холодный ветер. Он потер руки, замер на несколько секунд, а затем быстрым шагом зашагал в знакомом направлении.

На склоне холма рядом с тропой старик вел за собой желтую корову и с удивлением смотрел на спешащего Тан Линя.

— Тан, вернулся?

Тан Линь даже не обернулся, лишь поднял руку:

— Дедушка Кан, сначала навещу деда, потом зайду к тебе выпить.

Корова мычала в сторону Тан Линя, а дедушка Кан, глядя на удаляющуюся спину молодого человека, потрепал мычащее животное и покачал головой:

— Молодежь нынче, куда спешат...

Пройдя холм и свернув за угол, он попал в район домов, стоящих на неровной местности. Здесь дороги не были зацементированы, повсюду был песок и гравий. Дома стояли на расстоянии метра друг от друга, и через каждые несколько шагов можно было увидеть куриц с цыплятами, копошащихся в песке в поисках зерен. Пройдя еще немного, взгляд внезапно открылся на десятки акров полей, напротив которых стоял двухэтажный загородный дом из белого кирпича.

Старик в соломенной шляпе, присев на корточки у грядки, собирал в корзину пучок сельдерея. Собираясь встать, он заметил стоящего у двери юношу и окликнул:

— Сяо Линь, как это ты вернулся?

Тан Линь тоже увидел старика, быстро снял куртку и бросил ее на деревянный стул у входа, спрыгнул с холма, поддержал деда и, следуя его указаниям, помог ему подняться на склон, прежде чем ответить:

— Дедушка, сиди, я пойду соберу перца и горошка, сегодня приготовим побольше блюд.

— Что с тобой, парень? — с усмешкой сказал дедушка Тан и не стал спорить с внуком из-за такой мелочи. Он вытер грязь с ладоней, достал длинную трубку, насыпал в нее табак из мешочка, зажег зажигалкой и глубоко затянулся, выпуская клубок дыма. — Если старик не ошибается, сегодня среда. Учитель Се тебя отпустил?

Тан Линь, закончив собирать перец и горошек, поднял корзину, подошел к дедушке и сказал:

— Просто захотел вернуться и приехал. Я у учителя Се отпросился.

— Эх, ты... — Дедушка Тан встал и крепко хлопнул внука по плечу. — Пошли, поймаем жирную курицу, а потом в старый дом за банкой змеиного вина. Сегодня сядем с тобой как следует поесть.

— Давай.

Тан Линь улыбнулся, помог дедушке подняться, проводил его в дом, а затем отправился в старый дом из красного кирпича за вином, которое дедушка настоял в прошлом году. Вернувшись, он поймал в клетке у заднего двора старую курицу, которая мирно отдыхала.

Дедушка Тан сидел в коричневом плетеном кресле-качалке, с трубкой в руке, прищурившись и потягивая табак, наблюдая за внуком, занятым на кухне.

Тан Линь, заботясь о здоровье дедушки, приготовил куриный суп с дангшэнем и ягодами годжи, поджарил мясо с перцем и горошек с чесноком, а затем позвал дедушку к столу.

Дедушка Тан положил внуку куриную ножку, с удовольствием разглядывая три аппетитных блюда, и с улыбкой сказал:

— Сяо Линь, твое мастерство уже почти догнало мое. Этот аромат, даже издали слышно.

Тан Линь налил дедушке тарелку супа, добавил несколько блюд в его миску и с удовлетворением произнес:

— Бабушка Вэнь уже давно признала мое мастерство, говорит, что в этих краях никто так не готовит.

— Сорванец, — с улыбкой пробурчал дедушка Тан, но в душе был очень горд своим внуком.

Тан Линь, видя, как дедушка смеется, тоже рассмеялся.

Хотя времена меняются, жители деревни Тан до сих пор сохраняют старые привычки. Особенно в холодные зимние ночи, когда темнеет рано, люди уже забираются под одеяла и погружаются в сладкий сон, а огоньки в деревне постепенно гаснут.

Ночью деревья за окном шумели на ветру, и не было слышно ни одного насекомого.

Зимнее утро началось с громкого крика петуха. Тан Линь этой ночью спал неважно, он лежал с открытыми глазами, глядя на белый потолок, и слушал низкий храп дедушки.

Только сейчас он окончательно осознал, что действительно вернулся в прошлое, за неделю до смерти дедушки.

В прошлой жизни дедушка Тан тяжело заболел в начале года и долго лежал в больнице, где врачи вынесли ему «последний приговор». Дедушка, понимая, что, возможно, скоро уйдет, отказался оставаться в больнице. Бабушка Вэнь и Тан Линь не смогли его переубедить и забрали домой. Вернувшись в загородный дом, дедушка словно избавился от всех болезней, он снова мог ходить и двигаться, казалось, окреп.

В прошлой жизни Тан Линь не придавал этому значения, так как был учеником выпускного класса и, ухаживая за дедушкой в больнице, отстал от учебы на две недели. Когда дедушка почувствовал себя лучше, он стукнул тростью и выгнал внука обратно в школу.

К концу года, несмотря на мелкие недомогания, здоровье дедушки казалось стабильным, и все вздохнули с облегчением. Но восьмого декабря Тан Линь получил известие о смерти дедушки.

Тан Линь поднял взгляд на календарь, висевший в углу, и почувствовал растерянность.

Не на месяц раньше, не на год. До того дня, который стал таким тяжелым в прошлой жизни, оставалось всего семь дней.

Около шести утра Тан Линь услышал кашель и быстро встал, включив свет. Дедушка Тан сел на кровати, потер поясницу и встал, не дав внуку помочь.

— Эх, старею, кости не слушаются, — с недовольством пробурчал дедушка Тан, покачивая головой.

— Бабушка Вэнь говорит, ты работаешь ловчее многих в деревне, — улыбнулся Тан Линь и проворно включил свет в зале и ванной.

Дедушке Тану как раз исполнилось восемьдесят, и, возможно, из-за возраста, он плохо спал по ночам и часто вставал. Когда Тан Линь учился в городе, он просил дедушку ставить ведро в комнате и оставлять свет включенным, чтобы тот не упал, вставая ночью. А когда Тан Линь был дома, он ставил простую железную кровать и спал в одной комнате с дедушкой. Неважно, насколько он был уставшим, он всегда вставал, услышав малейший шум, и заботился о дедушке. Возможно, из-за возвращения внука дедушка наконец-то крепко уснул.

В пять-шесть утра было еще темно.

Дедушка Тан, вернувшись из туалета, уже не ложился спать.

Тан Линь улыбнулся, свернул еще теплое одеяло с железной кровати и забрался на кровать дедушки из красного дерева, укрыв их обоих одним одеялом.